

— Эй, ты чего застыл?

Ся Ши заметил, как покраснело лицо Цинь Чжоу, подошел, схватил его за воротник и приподнял, а затем, недобро усмехнувшись, выдохнул прямо ему в ухо:

— А-а, я понял. Наверняка думаешь о чем-то неприличном, да? Вы, холодные и неприступные красавцы, только с виду такие целомудренные, а на деле в голове у вас черт знает что творится.

— Что за чушь ты несешь! — Цинь Чжоу в суматохе оттолкнул его, поправил воротник и, закусив губу, добавил: — Не виноват я в этой привычке. Во всем виноват Сыту Чэнь. С тринадцати до восемнадцати лет он совершил на меня тысячу восемьсот покушений. В ход шло всё: подсыпание снотворного, обман, маскировка — от всего этого просто невозможно было уберечься. Стоило хоть на миг потерять бдительность, как меня тут же прижимали к земле. Со временем у меня выработалась фобия: стоит какому-нибудь мужчине подойти слишком близко, я начинаю бояться.

Ся Ши с интересом слушал и любопытно спросил:

— Ну и что, в итоге-то он тебя прижал?

— Разумеется, нет! — отрезал Цинь Чжоу, после чего снова вспыхнул. — И вообще... с чего это я с тобой обсуждаю такие вещи.

Вероятно, он только сейчас осознал, что рядом с ним такой же пассив, как и он сам, а значит, уровень опасности близок к нулю. Если только этот человек внезапно не сойдет с ума, его целомудрию ничего не угрожает.

Ся Ши с самым невозмутимым видом заявил:

— Мы сейчас соперники в любви, разве не естественно выудить информацию у врага? Знай себя, знай врага — и в сотне битв не ведай поражений.

Цинь Чжоу был ошеломлен такой бесстыдностью и слегка разозлился:

— Прошу прощения, но я никогда не считал тебя своим соперником. Советую господину Ся помнить о своем статусе.

В этой династии разрешалось брать в жены мужчин, однако статус наложника-мужчины был не выше игрушки; даже законная жена могла безнаказанно бранить или наказывать его. Смысл слов Цинь Чжоу был ясен: статус Ся Ши настолько низок, что он даже не достоин звания соперника, борющегося за внимание.

Ся Ши почувствовал, как его хрупкое эго слегка задели. Хотя главный герой презирал не его, а тело, в котором он сейчас находился, это было равносильно оскорблению в его адрес... Терпеть, когда тебя бьют по лицу, невозможно, даже если это главный герой!

Ся Ши тут же изобразил взгляд злобного второстепенного персонажа и с явной обидой произнес:

— Ты еще пожалеешь о своей ядовитой речи. Я жестоко тебе отомщу.

Цинь Чжоу мгновенно парировал:

— Я знаю, что ты давно точишь на меня зуб. Теперь, когда Сыту Чэня здесь нет, ты решил показать свое истинное лицо? Ну говори, что задумал? Продашь меня в бордель, чтобы меня там тысячи мужчин осквернили? Или отправишь в Южные земли, чтобы мне посадили самых мерзких паразитов, от которых я лишусь рассудка и буду ползать, как пес? Или, может, прикажешь пороть по сто раз на дню, сыпать соль на раны, а потом медленно разрезать на куски и разорвать на части?

Обалдеть, главный герой, ты так мастерски перечисляешь все эти пытки, что, похоже, сам скрытый мазохист, жаждущий боли, точно тебе говорю!

Ся Ши был в шоке, он провел ладонью по лицу и буркнул:

— Ты слишком много на себя берешь.

Тело, в которое он вселился, было довольно низким, и когда он попытался подхватить под руки слабого главного героя, то невольно зашатался. На самом деле ему совсем не хотелось этого делать — тащить кого-то на себе в этом подростковом теле было невыносимо тяжело, но главный герой был его главной задачей, и он скорее потерял бы деньги, чем его.

Хотя они сбежали из диких гор, путь был на удивление спокойным. Как говорится, с деньгами можно пройти хоть куда. Карманы самого Ся Ши были пусты, но спасала сюжетная броня Цинь Чжоу: стоило деньгам в кармане героя закончиться, как на следующий день там появлялись новые. Это определенно был чит, дарованный автором, хотя сам Цинь Чжоу даже не догадывался об этой пугающей истине.

В итоге Ся Ши стал тратить деньги совершенно бездумно.

Сначала Цинь Чжоу думал, что быстро избавится от него, но вскоре понял, как был наивен. Ся Ши где-то раздобыл лекарство и заставил его выпить. С тех пор жизнь Цинь Чжоу превратилась в сплошную негу. Под негой подразумевалось то, что его внутренняя энергия внезапно исчезла, сил не было совсем, и каждый день он мог лишь беспомощно лежать в постели, не имея возможности даже размяться.

Если выразиться современным языком, он превратился в овоща.

Ся Ши каждый раз с недоброй усмешкой приносил ему ароматные блюда и кормил с ложечки. Честно говоря, поначалу Цинь Чжоу отказывался: мир полон опасностей, кто знает, не подмешаны ли в еду яды? Но голод взял свое, и он попробовал — еда оказалась невероятно вкусной, именно такой, как он любил. К тому же она была полезной и безопасной, так что он постепенно привык.

Детство Цинь Чжоу, холодного и гордого болезненного юноши, конечно, было полно страданий, вызывающих слезы у читателей: его отец взял в жены мачеху, которая из желания обеспечить наследство своему сыну постоянно подтравливала Цинь Чжоу. Хотя его спас искусный лекарь, слабое здоровье и склонность к кровавой рвоте остались с ним навсегда. Психологическая травма была огромной, и перед каждым приемом пищи Цинь Чжоу думал: не хочет ли кто-нибудь снова его отравить?

Хотя позже выяснилось, что его опасения были напрасны, под таким давлением он ел без аппетита, лишь бы поддерживать жизнь, что привело к сильному истощению. Но именно это соответствовало эстетическим канонам того времени — идеальный образ возлюбленного в глазах сильных мужчин: тонкий, как ива, хрупкий, как тростинка.

Однако теперь этот хрупкий образ был старательно откормлен Ся Ши. Человеческая лень пугает: когда Цинь Чжоу впервые заметил, что немного поправился, он был в смятении — ведь он всегда следил за своим имиджем.

Но меню, которое составлял Ся Ши, было слишком соблазнительным. Цинь Чжоу чувствовал, что его вкус испортился, и обычная еда теперь казалась пресной, как трава. К тому же, кроме того, что Ся Ши держал его подле себя, он не делал ничего дурного. Цинь Чжоу казалось, что Ся Ши приглашает его к столу с таким искренним блеском в глазах, что отказаться было невозможно. Он молча сглатывал слюну и начинал уплетать за обе щеки.

Мало того, Цинь Чжоу заметил, что после того, как он стал хорошо питаться и высыпаться, лицо его порозовело, тело окрепло, а кровавая рвота давно не беспокоила. Теперь он стал таким мягким, что его было приятно трогать, а набранные килограммы превратили его в живую грелку.

Наступала зима, и Ся Ши, находя, что мягкий и теплый пухляш Цинь Чжоу — идеальная подушка, постепенно привык использовать его именно так. Он постоянно внушал ему: Быть пухлым — это хорошо, это дает чувство безопасности.

Цинь Чжоу с удивлением обнаружил, что больше не чувствует отвращения к прикосновениям мужчины. Более того, когда они выходили на улицу, мужчины на улицах больше не смотрели на него с тем сальным вождением, от которого хотелось провалиться сквозь землю. Для того, кто вечно был объектом похотливых взглядов и боялся ходить по вечерам в одиночку, это было настоящее счастье.

Он понял, что Ся Ши решил проблему, мучившую его долгие годы, поэтому однажды после обеда он торжественно взял Ся Ши за руку и с чувством сказал:

— Спасибо, ты правда хороший человек.

<http://bllate.org/book/21688/2236985>